

А. П. Заостровцев¹

канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ АВТОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Систематический анализ государственных устройств за рамками демократий долгое время не интересовал экономистов, в том числе даже и представителей теории общественного выбора (ТОВ)². Истоки отсутствия этого интереса, с одной стороны, кажутся самоочевидными. Школа общественного выбора возникла и развилась в США, а отсюда ее представители, в основном, если не исключительно, обращали внимание на проблемы эффективности американских политических институтов. Даже специфика европейских парламентских демократий (многопартийных систем парламентского представительства) была проанализирована относительно недавно, что, как пишет Мюллер, возможно, отражает недостаточный интерес к рассматриваемой тематике со стороны англосаксонских ученых (Мюллер, 2007, с. 4).

В то же время, с другой стороны, это объяснение как минимум недостаточно, а скорее всего, отчасти и неудовлетворительно. Ведь несмотря на сохранение доминирования среди представителей ТОВ экономистов из США, их интерес к экономической теории диктаторских режимов резко возрос в 90-е гг. прошлого века и продолжает нарастать. Этот факт, с нашей точки зрения, связан с двумя причинами. Первую из них можно назвать онтологической. Прежде диктаторские режимы главным образом отождествлялись с социалистическим общественным устройством. А те из них, что возникали при капиталистической экономике, рассматривались преимущественно как защитная реакция на социалистическую угрозу (классический пример — режим Аугусто Пиночета в Чили).

Падение социализма в 1989—1991 гг. породило иллюзию «конца истории»: всеобщего движения к либеральной демократии и свободной рыночной экономике³. Однако реальность, как очевидно из вышеприведенных данных, опровергла такой излишне оптимистический взгляд на будущее. По всей видимости, свершившееся разделение диктаторских режимов и социализма (социализм ушел, диктатуры остались), а также отчетливо обозначившиеся контрастные

¹ Эл. адрес: zaoand21@gmail.com

² Напомним, что, согласно определению из фундаментальной работы Д. Мюллера «Общественный выбор III», «теории общественного выбора можно определить как экономическое исследование принятия нерыночных решений или просто как применение экономической теории в политической науке» (Мюллер, 2007, с. 6).

³ Роль творца этой иллюзии приписывают американскому философу и политологу Фрэнсису Фукуяме — автору книги «Конец истории, или Последний человек», вышедшей на Западе в 1992 г. (Фукуяма, 1992; в рус. пер.: Фукуяма, 2004). С тех пор выражение «конец истории» вместе с заложенным в нем смыслом стало нарицательным.

различия в вопросе влияния авторитарного правления на экономику послужили стимулами более глубокого его изучения.

Вторую причину можно назвать гносеологической. Это развитие неинституциональной экономики и соответствующий этому процессу рост возможностей применения ее научного аппарата к анализу диктатур. Здесь в первую очередь стоит упомянуть теорию контрактов, концепции асимметричной информации и трансакционных издержек, а также математический аппарат теории игр. Экономисты сумели взять их на вооружение в качестве инструментов познания механизмов функционирования недемократических режимов.

Диктатуры как общественный договор. Теория диктатуры как общественного договора (социального контракта) стала возможной в связи с пересмотром традиционной его трактовки. В последней обычно моделируется ситуация дилеммы заключенного, когда акторы преодолевают Парето-неэффективный исход (равновесие по Нэшу) за счет учреждения государства путем заключения общественного договора (иначе говоря, необходим гарант в лице третьей стороны). Этот подход (характерный для патриарха ТОВ и конституционной экономики Бьюкенена) подвергся критике и пересмотру со стороны новых представителей ТОВ. Главная роль в этой критике и разработке инновационного понимания общественного договора принадлежит немецкому экономисту С. Воигту, который продемонстрировал свой взгляд на проблему в совместной статье с другим немецким экономистом — Р. Кирстейном (Kirstein, Voigt, 2006).

Для начала они констатируют, что если конституционные правила, как считается, являются самыми фундаментальными, то они не могут рассматриваться как экзогенные, так как это потребовало бы наличия еще более фундаментальных правил, принуждающих к соблюдению конституционных правил и т. д. В логических рассуждениях появилась бы так называемая дурная бесконечность. Поэтому общественный договор должен быть самореализующимся (*self-enforcing*). Если контракт самореализующийся, то тогда можно обойтись без третьей стороны, которая каким-то «мистическим образом» разрешает дилемму, заключенную в отношениях двух акторов. В таком понимании общественного договора договаривающиеся стороны обладают стимулами придерживаться его положений на постконституционной стадии, т. е. на стадии, следующей за утверждением его статей. И главной проблемой является определение условий, при которых положения такого договора оказываются самореализующимися. При их наличии ни один из акторов не может улучшить свое положение, отказавшись от его выполнения в одностороннем порядке.

Общественный договор представляется, согласно Кирстейну и Воигту, как обмен между ограниченным числом акторов. Например, один из них может предложить безопасность (защиту как от внешней, так и от внутренней агрессии), другие могут пообещать производить частные потребительские блага, которые производящий безопасность актор может в определенной мере облагать налогом. Производящий безопасность актор (или диктатор) сталкивается с рядом ограничений, которые он должен принимать во внимание. Среди них: а) потенциальные диктаторы-конкуренты на его территории; б) потенциальные захватчики извне; в) возможность, что подданные выберут уход на другую территорию; г) уклонение от налогов.

В своей модели Кирстейн и Воигт допускают, что общество состоит из двух групп индивидов, одна из которых обладает сравнительными преимуществами в предоставлении безопасности. А другая имеет такие же преимущества в деле производства частных благ. Диктатор выбирает определенный уровень налогов, другая же (слабая) сторона выбирает уровень усилий, которые она будет затра-

чивать в производстве частных благ. При этом она же выбирает, следует ли бросить вызов правительству после выбора последнего уровня налогообложения.

В модели присутствуют три типа равновесия: а) согласие с общественным договором («кооперация»); б) эксплуатация, которая, однако, позволяет диктатору избежать риска быть свергнутым («умеренная эксплуатация») и в) эксплуатация, за которой следует революция («максимальная эксплуатация»). Особый интерес представляют параметры, которые заставляют диктатора следовать общественному договору. Показано, что склонность диктатора к соблюдению его условий становится выше при росте усилий производителей частных благ, высоких издержках эксплуатации со стороны диктатора и при низких издержках свершения революции¹.

Согласно известной формулировке М. Олсона и М. МакГуайра, «автократия — это, по определению, общество, где одна личность (или клика) находится выше закона» (McGuire, Olson, 1996, p. 93). Такое положение дел дает определенные преимущества автократу. Однако, как отмечал Б. Уэйнгаст, возможность автократа устанавливать правила и проводить их в жизнь по своему усмотрению оборачивается его главной слабостью: с тем чтобы заставить подданных инвестировать в долгосрочные проекты, которые увеличат суммарный выпуск, диктатор имеет стимулы обещать своим подданным, что он воздержится от постконтрактного оппортунизма, например, не будет прибегать к конфискациям и будет уважать права собственности. Но ведь если диктатор располагает возможностью устанавливать правила и проводить их в жизнь по своему усмотрению, то его обещания не пользуются доверием. Поэтому рациональные диктаторы заинтересованы в учреждении институциональных механизмов, которые обеспечат доверие его обещаниям (Weingast, 1993).

Магистральный путь решения проблемы доверия в общественном договоре при авторитарном правлении — это ослабление последнего в смысле передачи части полномочий автократа ограничивающим его власть институтам (например, парламенту). Однако проблема доверия (или, точнее, недоверия) поражает и «внутренности» системы авторитарного правления, в первую очередь в вопросе обеспечения преемственности власти. Поэтому прежде чем обратиться к экономическому анализу делегирования власти от автократа другой стороне общественного договора, посмотрим, как объясняется эволюция правил преемственности статуса автократа.

Как передать власть? Переход власти от одного автократа другому — наиболее часто встречающийся в истории человечества вариант смены правителей. Тем не менее до работы Г. Таллока (Tullock, 1987) экономисты таковым не интересовались, сосредоточив все внимание на демократических процедурах. В 1993 г. Г. Андерсон и П. Бёттке опубликовали статью, в которой рассматривали проблему передачи власти в СССР (Anderson, Boettke, 1993). Однако наиболее обобщенную и формализованную картину передачи власти в авторитариях представил П. Куррильд-Клитгаард (Kurrild-Klitgaard, 2000).

В первую очередь он отмечает, что в целях анализа стратегических соображений автократа и претендентов на его место необходимо проводить различие между двумя группами правил, которые обычно имеются в авторитарном обществе. Это правила определения круга претендентов и правила выбора. Первые определяют круг лиц, которые могут претендовать на место автократа по каким-либо критериям (пол, происхождение, каста, класс или политическая

¹ «Социальный контракт» следует отличать от сделки, заключаемой с «бандитским государством» и предполагающей отказ его представителей от совершения ряда наиболее одиозных насильственных действий, которые могли бы еще более ухудшить положение граждан, в обмен на их лояльность» (Олейник, 2005, с. 568).

партия). Вторые оговаривают конкретные процедуры, по которым выбирают автократа из круга претендентов. Преемник, например, может назначаться автократом или же может быть закреплена передача власти по наследству.

В аналитических целях проводится различие и между тремя идеальными видами правил преемственности: «открытая» преемственность, при которой ни один индивид не отбирается предварительно как автоматический наследник автократа, и две «закрытых» разновидности, при одной из которых преемник назначается, а при другой становится таковым по праву наследования.

Стратегический выбор автократа и претендентов, очевидно, будет различным при таких альтернативных правилах. Для наглядности предполагается ситуация, где имеются автократ и потенциальный преемник, причем последний может как быть родственником автократа, так и не быть им. Допускается, что этот преемник сталкивается с довольно простым выбором: попытаться свергнуть автократа или оставаться пассивным. Рассматриваемые преемником переменные включают выгоды от пребывания в качестве автократа; вероятность стать следующим автократом, если он сам свергнет автократа; прямые затраты на переворот и возможные издержки в случае неудачи, а также вероятность последней. Результат сопоставления этих ожидаемых выгод и затрат должен быть сравнен с выгодами и затратами при пассивном поведении, и прежде всего следует анализировать выгоды от пребывания в роли потенциального преемника и вероятности оставаться в таком качестве. Потенциальному преемнику рекомендуется попытаться свергнуть автократа при условии, что ожидаемые выгоды от этого поступка превышают выгоды от пребывания в текущем статусе. Если это не так, то рациональный выбор — оставаться пассивным.

Очевидно, что и автократ имеет свое слово в этом процессе. Правомерно предполагать, что он пытается максимизировать ожидаемую выгоду сохранения себя в этом качестве наряду с вероятностью такого сохранения, которую предлагается рассматривать как функцию конституционных правил передачи власти. Если он сталкивается с не одним правилом, то выбирает такое, которое минимизирует опасность переворота. Эти правила не могут быть изменены без затрат, и он, естественно, должен принимать во внимание эти транзакционные издержки, когда оценивает выгоды от альтернативных правил. Иначе говоря, если издержки изменения конституционного правила преемственности низкие или же их нет вовсе, то правящий автократ предпочтет правило, которое, как он полагает, максимизирует вероятность оставаться таковым. И если он располагает для этого властью, то он поменяет конституционное правило на то, которое он предпочитает более всего.

При конституционном правиле открытой преемственности обычно несколько индивидов претендуют на роль преемника, и выигрыш может оказаться немалым. В то же время нередко свержение автократа — относительно низкозатратное мероприятие, если судить по прямым затратам на его устранение. Однако при открытом доступе претендент не может быть на сто процентов уверен в том, что именно он окажется на месте автократа, и это обстоятельство говорит ему, что он должен предпринять какие-то активные действия. В них может быть заложен и элемент самозащиты, поскольку другие претенденты заинтересованы в улучшении своих шансов за счет понижения его. Это явно сокращает его ожидаемые выгоды от пассивности и, следовательно, повышает относительные ожидаемые выгоды от попытки свержения автократа.

Таким образом, если есть несколько претендентов на власть в автократии, где нет никаких конституционных правил преемственности вообще, то любое достигнутое равновесие оказывается очень хрупким и возникает ситуация постоянно изменяющихся коалиций, заговоров и контрзаговоров. Вместе с тем не-

определенность может работать и в противоположном направлении, если ожидаемые издержки неуспешного переворота значительны. Тогда равновесие может быть сравнительно устойчивым: никто не решается сделать первый шаг. Таким образом, авторитария с открытой преемственностью может демонстрировать как крайнюю нестабильность, так и значительную стабильность, в зависимости от того, разовьются ли институты, которые порождают и поддерживают равновесие и увеличивают издержки попытки переворота.

В режиме, где авторитар назначает преемника, его задачей становится выбор такой кандидатуры, которая представляет наименьшую угрозу для него. Вариант с назначаемым преемником может быть лучше, чем открытая преемственность, однако здесь ожидаемые выгоды от свержения авторитара велики, особенно если «назначенец» уверен в том, что именно он станет новым авторитаром, а прямые издержки попытки переворота невелики. Назначенный преемник также может принять во внимание риск, заключающийся в том, что авторитар может изменить свое мнение и назначить другого преемника, а также риск того, что другой претендент попытается устранить назначенного преемника с целью занять его место. Оба этих риска влияют негативно на ожидаемые выгоды преемника и увеличивают его ожидаемые выгоды от переворота.

Если сравнить описанные выше ситуации с наследственной преемственностью, то легко заметить важные различия. Разрыв в выгоде между нынешним статусом и статусом авторитара меньше для наследника, чем для претендента, в то время как риск быть отставленным авторитаром или обойденным другими весьма невелик. Более того, наследник в наследственной монархии, как правило, относительно молодой человек, в то время как назначенный преемник в ненаследственной авторитарии или претендент в авторитарии с открытой преемственностью могут быть обладающими значительными ресурсами индивидами и имеющими опыт, сравнимый с опытом самого авторитара. Высокая определенность получения власти, которая может создавать стимулы для назначенного преемника убрать авторитара, действует в противоположном направлении при наследственной преемственности.

Куррилд-Клитгаард иллюстрирует эволюцию конституционных правил преемственности в авторитарии с помощью моделей из теории игр. Пусть имеются два игрока: авторитар (A) и потенциальный преемник (S), причем каждый из них выбирает между двумя различными стратегиями. Авторитар может выбирать между двумя правилами преемственности (R_O и R_H), где первое есть сохранение статус-кво в виде открытой преемственности, а последнее — новое правило в виде наследственной передачи власти. Потенциальный преемник, со своей стороны, может выбирать между свершением переворота (O) и пребыванием в пассивности (P). Предполагается также, что издержки изменения правил преемственности невелики.

Из изложенного выше вытекает, что авторитар будет более склонен к новому правилу (наследственной преемственности) по сравнению с действующим (открытой преемственностью). Полное ранжирование его предпочтений представлено в левых углах платежной матрицы (рис. 1). Далее допускается, что преемником может быть как индивид, лично выигрывающий от изменения правил (например, потому, что он окажется ближе к статусу авторитара), так и тот индивид, который от этого изменения не выигрывает. В этом случае мы можем наблюдать два разных типа игры.

Для начала предполагается, что потенциальный преемник (очевидный наследник S_H) выиграет от нового правила и что разность между выгодами от пребывания в роли преемника и более быстрым превращением в авторитара невелика, а кроме того, что издержки, связанные с попыткой переворота, также

		S_h	
		P	O
А	R_O	2, 2	3, 3
	R_h	1, 1	4, 4

Рис. 1. Взаимодействие между автократом и наследником

несущественны. В таком случае ранжирование предпочтений преемника представлено в правых углах платежной матрицы (рис. 1).

Эта игра имеет единственное равновесие по Нэшу, а именно исход (R_h, P) , т. е. автократ, изменит правила с открытой преемственности на наследственную, в то время как очевидный наследник не будет пытаться организовать переворот, а предпочтет остаться пассивным.

Несколько иная ситуация имеет место в случае, когда потенциальный преемник не есть кто-то, кто выиграет от нового правила (более дальний преемник S_c). Предполагается, что разность между выгодами пребывания в статусе потенциального преемника и более быстрым занятием места автократа значительна, а издержки организации переворота варьируются в зависимости от того, является ли преемственность открытой или наследственной. В этом случае взаимодействие показано платежной матрицей (рис. 2) с двумя равновесиями по Нэшу: (R_h, P) и (R_O, O) . Тут имеет место игра под именем «цыпленок»: в ней один из игроков вынужден уступить, если другой выполняет свое желание.

Эти игры иллюстрируют, что при определенных заданных предпосылках автократ попытается заменить открытую преемственность на наследственную и это его желание будет совпадать со стремлением преемника не организовывать заговор против него. Важно заметить, что если издержки изменения правил преемственности значительны, то ранжирование предпочтений автократа в отношении исходов может быть следующим: $(R_O, P) > (R_h, P) > (R_O, O) > (R_h, O)$. Игра между автократом и преемником-наследником теперь имеет единственное равновесие по Нэшу (R_O, P) , т. е. преемник-наследник не будет пытаться организовать переворот, а автократ не будет менять правила. В противоположность этому игра между автократом и претендентом имеет единственное равновесие по Нэшу (R_O, O) , т. е. претендент попытается организовать переворот, а автократ останется приверженным действующему правилу преемственности.

Этот анализ Куррилла-Клитгаарда подчеркивает важность издержек, связанных с изменением правил. Если издержки автократа от изменения незначительны, то он попытается перейти к наследственному принципу. Таким образом, автор приходит к выводу, что с течением времени автократия перейдет от открытой преемственности к наследственной. Другим выводом является то, что одновременно с этим процессом следует ожидать сокращения числа заговоров против автократов, предпринимаемых потенциальными преемниками. Поэтому введение наследственного принципа преемственности может рассматриваться и как рациональная самозащита.

Этот свой теоретический вывод Куррилл-Клитгаард подтверждает историческими примерами. Ниже приведены сведения по датской монархии за период

		S_h	
		P	O
А	R_O	2, 2	3, 1
	R_h	1, 3	4, 4

Рис. 2. Взаимодействие между автократом и претендентом

Таблица

Заговоры и конституционные правила преемственности (Дания, 935—1849 гг.)

Конституционное правило	Монархи	Заговоры	Доля
Открытая преемственность	22	9	0,41
Назначение преемника	18	3	0,17
Наследственная преемственность	12	0	0
Всего	52	12	0,23

Источники: Kurrild-Klitgaard, 2000, p.78.

более чем в 900 лет (табл.). Они полностью подтверждают тезис Таллока о том, что для автократий с наследственной преемственностью характерно меньшее число заговоров, чем для тех, где преемственность открытая, и что автократии со временем испытывают тенденцию к замене ненаследственного правила преемственности на наследственное (Tullock, 1987, p. 162).

В заключение интересно заметить, что в своей статье, опубликованной в 2002 г., Г. Таллок писал: «В моей книге (имеется в виду все та же «Автократия» 1987 г. — А. З.) я предсказывал (осторожно) превращение диктатур в наследственные монархии. Это началось с Северной Кореи, где имело место неоспариваемое наследование сыном прежнего диктатора, и Сирия, кажется, пойдет тем же путем. Азербайджан, так же как и Конго, сделал первые шаги к наследственной преемственности» (Tullock, 2002, p. 262). Надо сказать, что прогноз Таллока полностью оправдался.

Делегирование власти и демократизация. Авторитарная власть сталкивается с проблемой, которая получила наименование «ирония абсолютизма». Она описана в ряде работ (North, 1981; Root, 1994; Weingast, 1996). Наблюдается противоречие между властью и доходом: усиление власти автократа не всегда способствует росту его дохода, а то и приводит к негативному воздействию на доход. Абсолютная власть, как пишет Х. Рут, позволяет царствующей особе отказываться от выплаты долгов. Но что происходит в результате этого? «Кредиторы принимали во внимание репутацию короля как отрекающегося от долгов и, следовательно, запрашивали более высокие процентные ставки, чем те, которые в противном случае требовались бы для привлечения займов. В действительности, поскольку король был выше закона, он должен был выплачивать больше по заемным средствам, чем его состоятельные подданные. Короче говоря, Корона имела сложности с кредитами, поскольку имела историю отказов от обязательств» (Root, 1994, p. 177).

Д. Норт и Б. Уэйнгаст предположили, что эта проблема привела к Славной революции в Англии, в результате которой власть над казной перешла к парламенту. Таким образом, король мог сделать достоверными свои обязательства по выплатам долгов. Во Франции же такого делегирования власти вниз не произошло. Результатом стало то, что король Англии решил проблему сбора средств и мог финансировать армию, в то время как король Франции — нет, что привело его к хронической нехватке дохода, которая явилась одним из факторов, вызвавших Французскую революцию.

Р. Конглтон в своем анализе развил идею Норта—Уэйнгаста и показал, что почти все автократы (короли) так или иначе делятся властью (Congleton, 2001). Свою схему описания проблемы он назвал «король и совет». В принципе она может быть распространена и на более общий случай: «король» — исполнительная власть, «совет» — парламент (законодательная власть). Однако и в автократии, согласно Р. Конглтону, двухполюсная организация «король — совет» является эффективным инструментом обработки информации и коллективного выбора.

Во-первых, в общем случае совет располагает большим непосредственным опытом/знаниями, чем король, и, соответственно, в состоянии лучше оценивать политические последствия, чем если бы эта оценка исходила только от короля. Во-вторых, двухполюсная конструкция способна сократить потери от конфликта при наличии влиятельных центров власти, помимо королевской. В-третьих, контроль за повесткой дня со стороны короля позволяет избежать известных мажоритарных циклов, которые могут иметь место в совете. В-четвертых, конструкция «король — совет» позволяет по мере изменения обстоятельств постепенно передавать власть от короля парламенту без сопровождающихся насилием конфликтов.

Это постепенное перемещение власти Р. Конглтон объясняет наличием ряда шоков. Во-первых, генетический шок. Как мы видели, в монархиях в конечном счете устанавливается династическое правление. Наряду с рассмотренными выше преимуществами это влечет за собой и недостаток в виде отсутствия конкурентного отбора на позицию автократа. Сильные и компетентные правители неизбежно время от времени сменяются слабыми. Члены же совета (парламента) проходят более или менее открытый конкурентный отбор, и его качество как управляющей организации остается практически постоянным во времени. В периоды правлений слабых автократов совет отбирает часть полномочий и потом, как правило, уже не отдает их назад даже сильному королю. Этому же смещению власти в пользу совета могут способствовать различные потрясения в правящей династии (ранняя смерть монарха, отсутствие взрослого законного наследника и т. п.).

Во-вторых, технологические шоки. Те же технологические инновации в методах производства, транспорте и коммуникациях, что позволили создать крупные промышленные концерны, благоприятствовали и появлению крупных общественных организаций: политических партий, профсоюзов, групп интересов. Индустриализация протекала в городах, что создавало концентрацию населения, облегчавшего объединение промышленников, торговцев и лиц наемного труда в противостоянии королю и в целом непредставительным органам власти. В то же время в силу той же индустриализации стало гораздо сложнее оценивать последствия налоговой, торговой и прочей политики, что давало все большие информационные преимущества коллективному представительному органу управления (парламенту). Это вело к расширению его полномочий.

В-третьих, идеологические шоки. Их представляли изменения в позитивных и нормативных теориях государственного управления. С их распространением вера в божественные права короля постепенно замещалась идеалами народного суверенитета и всеобщего избирательного права. Эта «дискредитация» королевской власти повышала издержки контроля и снижала ее продуктивность в поддержании лояльности.

Как в итоге констатирует Р. Конглтон, «*демократические институты могут развиваться* непосредственно из системы «король — совет» без серьезных революционных событий или гражданской войны, по мере того как политические полномочия постепенно смещаются в пользу парламентской власти и расширяется избирательное право» (Conglton, 2001, p. 208). В то же время изложенная им схема больше подходит к исторической эволюции европейских монархических автократий (Великобритания, скандинавские страны). В современном мире автократические монархии сохранились лишь в ряде арабских стран (Саудовская Аравия, Кувейт и др.).

Разработанная Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном концепция демократизации наиболее полно представлена в их фундаментальной работе «Экономические начала диктатуры и демократии» (Acemoglu, Robinson, 2006). Для ее иллюстра-

ции необходимо хотя бы очень кратко коснуться определения ими исходных понятий. Они, не вдаваясь в детали, различают демократические и недемократические режимы. Они видят большие различия внутри этих режимов, но полагают прежде всего важным подчеркнуть контраст между демократией и недемократией. «В демократиях большинству населения позволено голосовать и выразить свои предпочтения в отношении политики, и правительство, как предполагается, представляет интересы всего населения...» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 17). В то же время «недемократические режимы имеют один общий элемент: вместо представления предпочтений населения в целом они представляют предпочтения части населения: “элиты”» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 17). В результате «демократии, в общем, аппроксимируют ситуацию *политического равенства* в отличие от недемократий, которые, в свою очередь, представляют предпочтения значительно меньшей части общества и, таким образом, отвечают ситуации *политического неравенства*» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 17).

Итак, Д. Асемоглу и Дж. Робинсон делят политические режимы на две большие категории: демократии и недемократии. «Демократия представляется как ситуация политического равенства и характеризуется относительно более промажоритарной политикой. Часто промажоритарная политика совпадает с политикой в пользу бедных, особенно большей тенденцией перераспределять доход от богатых к бедным. По контрасту, недемократия дает больший голос элите и, в общем, выбирает политику, которая менее мажоритарная, чем в демократии» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 19).

Далее указанные авторы говорят о трех базовых принципах своего подхода. Первый заключается в том, что их анализ — экономический. Главное в нем, что индивиды имеют четко выраженные предпочтения. Они сопоставляют различные варианты, в том числе делают выбор между демократией и недемократией, согласно их оценкам экономических и социальных последствий.

Второй принцип сводится к внутренней конфликтности политики. Большинство политических решений создают распределенческий конфликт: одна политика выгодна одной группе индивидов, другая — другой. «Эти группы, например, богатые и бедные, имеют конфликтующие предпочтения в отношении политики, и каждая политика порождает *победителей и побежденных*» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 20).

Третий принцип, как мы скоро увидим, находится как бы внутри основной темы — политики демократизации. По мнению авторов, «ключевые игроки в процессе демократизации видят ее как борьбу бедных и богатых» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 22). Под «простой» (точнее было бы сказать упрощенной) теорией демократизации они имеют в виду следующую версию: «граждане хотят демократии, а элиты — недемократии, и баланс политической силы между двумя группами определяет, будет ли общество переходить от недемократии к демократии (а возможно также станет ли однажды созданная демократия прочной или позже повернет назад, к недемократии)» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 23).

Переход к демократии обычно происходит, когда правящая элита расширяет избирательные права. Ставится вопрос: если этой ей невыгодно (ведет к более высоким налогам и перераспределению в пользу бедных), то зачем она это делает?

Ответ простой: под давлением масс, угрозы революции (или, говоря экономическим языком, из опасения значительно более высоких издержек). Первым ответом элиты является разовая уступка или, более часто, одобрение политики, более благоприятствующей большинству. При этом элита может пообещать придерживаться такой политики и в будущем. Тем не менее такие обещания не являются достоверными (пользуясь термином доверием). Не убежденные такими обещаниями граждане могут не снижать давления на власть.

Как сделать такие обещания достоверными? Остается лишь одно: передавать власть от элиты гражданам через переход к демократии, создавая тем самым достоверность обязательств придерживаться промажоритарной политики и в будущем. И тут как раз «заложен» третий краеугольный камень: это рассмотрение роли, которую играют политические институты в распределении власти и создании относительно достоверных обязательств.

Обещания промажоритарной политики в рамках недемократической системы зачастую не пользуются доверием. «С тем, чтобы им доверяли, они (представители элиты. — А. З.) должны передать формальную политическую власть большинству, что и достигается демократизацией» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 27). «Демократия возникает, когда уступки не пользуются доверием, а репрессии непривлекательны, поскольку слишком дороги» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 30).

Известно, что страны переходили не только от недемократии к демократии, но и в обратном направлении (наиболее типичный пример — Латинская Америка). Как объясняется такое явление? Д. Асемоглу и Дж. Робинсон различают политическую власть де юре и де факто¹. Если в период давления на элиту в пользу демократизации политическая власть де факто смещается в пользу масс, то переворот предполагает смещение ее к элите. Таким образом, эта власть временами как бы переходит из рук в руки.

Однако к антидемократическому перевороту приводит не сам факт смещения власти де факто в пользу элиты, а, в сущности, та же причина, что и к демократизации. Отсутствие достоверности обязательств. Но на этот раз со стороны граждан. Обязательств ограничить степень промажоритарности политики. «Переворот позволяет элите трансформировать ее переходную политическую власть де факто в более прочную политическую власть де юре посредством изменения политических институтов» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 30).

Концепция Д. Асемоглу и Дж. Робинсона встретила серьезную критику и неприятие видного представителя виргинской школы политической экономии П. Бёттке (Boettke, 2007). Она сводится к двум моментам: несоответствие фактической стороне дела и теоретические упущения. Что касается первой, то П. Бёттке отмечает неверное представление сторон описываемого ими конфликта. Как показали исследования в области политической и экономической истории, революционный вызов элите никогда не идет со стороны обездоленных. Они слишком бедны, слабы и заняты выживанием, им, как говорится, не до политической активности. Революционный вызов идет со стороны конкурирующей элиты.

Далее П. Бёттке утверждает, что с самого начала авторами были проигнорированы два обстоятельства, непосредственно относящиеся к рассматриваемому ими распределительному конфликту. Во-первых, страны, в которых экономическое развитие предшествует переходу к демократии, имеют тенденцию предварительно ввести такие демократические институты, которые ограничивают конфискационную власть правящей элиты. В то же время в странах, где переход к демократии предшествует экономическому развитию, внедряются такие демократические институты, которые максимизируют распределительные полномочия государства. Во-вторых, многие из недавних переходов к демократии были фактически переходами к так называемым нелиберальным демократиям. Они устанавливали такие демократические формы, которые скорее максимизировали перераспределительную власть государства, чем ограничивали его конфискационные возможности². Как отмечает П. Бёттке, проблема «нелибераль-

¹ Под политической властью де факто подразумевается следующее: «Что какая-либо группа может сделать другой группе и обществу в целом, используя силу» (Acemoglu, Robinson, 2006, p. 21).

² О нелиберальных демократиях см. (Закария, 2004).

ных демократий» полностью выпала из рассмотрения Д. Асемоглу и Дж. Робинсона.

Среди главных теоретических упущений авторов П. Бёттке называет игнорирование теоретического наследия Дж. Бьюкенена. Его работы не обсуждаются и не цитируются. В то время как проблемы временной последовательности и достоверности обязательств находятся в центре его анализа государства¹. П. Бёттке обращает внимание и на такую работу Бьюкенена, как «Границы свободы» (Buchanan, 1975; в рус. пер.: Бьюкенен, 1997). По его мнению, Дж. Бьюкенен показал, как посредством конституционного договора совершается переход от политики как конфликта к политике как обмену. Подход Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, где перераспределение представлено как ключевой инструмент создания устойчивых демократий, резко контрастирует с подходом Дж. Бьюкенена.

П. Бёттке отмечает, что авторы игнорируют работы не только Дж. Бьюкенена, но и ряда других известных авторов, предложивших альтернативные решения поставленных ими проблем. Например, Б. Уэйнгаста с его идеей о том, как сохраняющий рынок федерализм может служить институциональным решением проблемы доверия (Weingast, 2005). Кроме того, П. Бёттке перечисляет еще целый ряд авторов (среди них М. Олсон, А. Шлейфер и др.), чьи концепции непосредственно касаются поднятой Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном проблемы и которые ими не замечены.

Свою критику П. Бёттке завершает следующим утверждением: «Экономический анализ диктатуры и демократии не может реально происходить без обсуждения попыток ограничить власть государства, без обращения к проблеме хищничества, без рассмотрения того, как через конституционный договор мы можем трансформировать конфликтные игры в игры кооперативные» (Boettke, 2007, p. 323).

Источники

- Бреннан Дж., Бьюкенен Дж.* Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб., 2005.
- Бьюкенен Дж.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. М., 1997. С. 207—444.
- Захария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004
- Мюллер Д.* Теория общественного выбора III. М., 2007.
- Олейник А.* Институциональный анализ государства // Институциональная экономика / под общ. ред. А. Олейника. М., 2005. С. 554—590.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.
- Acemoglu D., Robinson J.* Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge, N.Y., 2006.
- Anderson G., Boettke P. J.* Perestroika and Public Choice: The Economics of Autocratic Succession in a Rent-Seeking Society // Public Choice. 1993. Vol. 75. N 2. P.101-118.
- Boettke P.* Daron Acemoglu and James Robinson, Economic Origins of Dictatorship and Democracy // Constitutional Political Economy. 2007. Vol. 18. N 4. P. 319—323.
- Brennan G., Buchanan J. M.* The Power to Tax: Analytical Foundations of a Fiscal Constitution. Cambridge (MA), 1980.
- Brennan G., Buchanan J. M.* The Reason of Rules: Constitutional Political Economy. Cambridge, N.Y., 1985.
- Congleton R.* On the Durability of King and Council: The Continuum Between Dictatorship and Democracy // Constitutional Political Economy. 2001. Vol. 12. N 3. P. 193—215.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N. Y., 1992.
- Kirstein R., Voigt S.* Dictators and Social Contracts // American Journal of Economics and Sociology. 2006. Vol. 65. N 4. P. 863—889.
- Kurrild-Klitgaard P.* The Constitutional Economics of Autocratic Succession // Public Choice. 2000. Vol. 103 (1—2). P. 63—84.

¹ П. Бёттке указывает здесь на совместные с Дж. Бреннаном работы Дж. Бьюкенена (Brennan, Buchanan, 1980; Brennan, Buchanan, 1985; в рус. пер.: Бреннан, Бьюкенен, 2005).

McGuire M., Olson M. The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // *Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34. N 1. P. 72—96.

North D. C. Structure and Change in Economic History. N. Y., 1981.

North D. C., Weingast B. R. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth Century England // *Empirical Studies in Institutional Change* / Ed. by L.J. Alston. Cambridge, UK, 1996. P. 134—165.

Root H. The Foundation of Privilege: Political Foundation of Markets in Old Regime France and England. Berkeley, 1994.

Tullock G. Autocracy. Dordrecht; Boston, 1987.

Tullock G. Undemocratic governments // *Kyklos*, 2002. Vol. 55. N 1. P. 247—264.

Weingast B. Constitutions as Governance Structures: The Political Foundation of Secure Markets // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1993. Vol. 149. N 1. P. 286—311.

Weingast B. The Performance and Stability of Federalism: An Institutional Perspective // *Handbook of New Institutional Economics* / ed. by C. Menard, M. M. Shirley. Berlin; N.Y., 2005. P. 149—174.